

В. Г. Томилов

**ИСТОРИЯ:
СТАТЬИ
РАЗНЫХ ЛЕТ**

Томск – 2017

УДК 1(091) (47–57)

ББК 87.3

Т 56

Томилов В. Г.

Т56 История: Статьи разных лет. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2017. – 230 с.

ISBN 978-5-91302-177-9

Предлагаемые статьи написаны на основе докладов, прочитанных автором на конференции, посвящённой 20-летию философского факультета ТГУ, на ежегодных конференциях по теме «Тоталитаризм и тоталитарное сознание», на Всероссийской конференции «Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности», на конференции, посвящённой 50-летию Томской области, на слушаниях по теме «Актуальность проблем наркомании: социальные, медицинские, правовые аспекты» и на «Духовно-исторических чтениях». Все названные конференции состоялись в Томске.

Для всех интересующихся историей СССР и новой России. Книга будет особенно полезна студентам, аспирантам и преподавателям гуманитарных факультетов.

УДК 1(091) (47–57)

ББК 87.3

ISBN 978-5-91302-177-9

© Томилов В.Г., 2017

Томилов В. Г. Александр Яшин как предшественник и участник революции 1980-х - 1990-х годов / В. Г. Томилов // История: статьи разных лет / В. Г. Томилов. – Томск, 2017. – С. 130-141.

Александр Яшин как предшественник и участник революции 1980-х – 1990-х годов⁸⁷

Верно, что бытие определяет сознание, но не менее верно и то, что идеи, овладевшие человеческим сознанием, изменяют мир и человек поступает так, как думает. Не была исключением из этого правила и наша революция 1980-х – 1990-х гг., следствием которой стало исчезновение СССР и возникновение посткоммунистической России и ряда других государств. Некоторые западные историки не без основания считают эту революцию главным событием 2-й половины XX в. И, конечно (как и в случае прежних), ей предшествовало то, что Ю. Карякин – один из её активистов – назвал в одноименной книге *переменной убеждений*. В данном случае эта переменная была связана с *исправлением исторической памяти*, без искажения которой *коммунистический эксперимент* был бы невозможен.⁸⁸ Не последнюю роль в этом исправлении сыграл и Александр Яшин.

Да, он был членом КПСС и её филиала – писательского профсоюза, пытался, как и Горький с Маяковским, излагать в соответствии с коммунистическими образцами и награждался за это Сталинской премией. Но однажды с ним произошло то, о чем коммунистические учебники предпочитали хранить гробовое молчание.⁸⁹ В след за Горьким, Маяковским, Клюевым, Мандельштамом и другими он заявил, что больше не будет партийным рычагом, так как не знает, куда деваться от желчи сожалений и упреков; что пора вспомнить о, сброшенных с корабля современности, Пушкине, Гоголе и Толстом, потому что нужна правда и он рожден, чтобы видеть и рассказать о ней другим.

До чего ж мы были просты
С нашей верою беспросветной.
С нашей преданностью несусветной.
Доходившей до слепоты!..
За всё отвечать настала пора:
За то, что когда-то я промолчал.
За то, что кричал во весь рот ура,
А караул не кричал.

И он был в этом движении не одинок. Нечто подобное произошло с Твардовским, Пастернаком, Дудинцевым, Солженицыным и другими писателями. Это были сполохи и отдаленные громы приближающейся революции. Это было продолжение вышеупомянутых попыток критического осмысления итогов коммунистического эксперимента и нового решения вопроса «тов. Ленин или Лев Толстой?» уже в пользу второго.

Реакция последовала довольно быстро. В декабре 1954 г. состоялся 2-й писательский съезд, на котором секретарь ЦК Поспелов в присутствии Хрущева и почти всего Политбюро напомнил, что писатели должны воспитывать народ «в духе идей коммунизма», а не сеять сомнения и не клеветать на него, должны бороться с отклонениями от принципов партийной литературы и со всеми попытками увести литературу от «актуальных вопросов политики Коммунистической партии и Советского государства». Думается, что он имел в виду не только «Теркина на том свете», но и, отклоненный незадолго до съезда «Новым миром», яшинский рассказ «Рычаги», в котором был поставлен опасный для КПСС вопрос о послевоенном кризисе коммунизма.

Яшин ему ответил, заявив со съездовской трибуны, что в «партийной литературе» имеет место «разрыв между поэтическим изображением жизни и её подлинностью», «приукрашивание жизни», «лакировка вместо критики и самокритики» и что надо освободиться от «внутреннего редактора» («выжечь его, вытравить, заговорить во весь голос, помогать людям жить

лучше, не оглядываться на перестраховщиков, на Марью Алексеевну, не фальшивить, не бояться правды») и бороться против недоброжелательности к оригинальному творчеству и «за устранение причин, мешающих всестороннему и правдивому показу жизни»; что надо быть правдивым во всем до конца, так как брэнчаниями фальшивыми не разогреть сердца... Это была не только критика «социалистического реализма», но и самокритика, касающаяся, например, стихотворения «Товарищу Сталину» и поэмы «Алена Фомина». Это был переход к критическому реализму и продолжение дела вышеназванных писателей. Яшин не прислушался к «советам» Пospelова и напечатал «Рычаги» в «Литературной Москве» в 1956 г.

А правды ты выдашь хоть слово критически –
Затопчут на дне или бросят в дерьмо.

Н. Ляпин

И его «бросили в дерьмо» и стали «затаптывать на дне». Начало экзекуции было положено обсуждением «Рычагов» на пленуме Московского отделения ССП. Оно само явилось как бы продолжением рассказа, персонажи которого до собрания говорят одно, а на собрании – совершенно противоположное. По словам автора, писатель Т. Семушкин, встретив его до обсуждения, тряс ему руку и восклицал: «Саша! Молодец! Смело написал!», а на обсуждении обвинял: «Яшин сгустил краски, много взял чёрной. Яшин не помогает нам строить светлое будущее. Его «Рычаги» – злобная клевета на партию...». Примерно в таком же духе выступили М. Алексеев и Д. Еремин, оба они противопоставляли «Рычагам» и «чернящей литературе» в качестве образца для подражания шолоховские «Поднятую целину» и «Судьбу человека».⁹⁰

13 мая 1957 г. на совещании писателей в ЦК КПСС присоединился к затаптывателям Хрущев. Не называя фамилии затаптываемого, он защищал «так называемых лакировщиков» («это наши люди, это люди, преданные партии»), говорил, что

борьба с писателями типа Шолохова или Бабаевского есть «борьба против партии, против линии партии, против коммунистического строительства» и что напротив «борьба должна быть и борьба беспощадная» с теми, кто является «рупором наших врагов», призывает к «освобождению из-под влияния партии» и ведет «критику с вражеских позиций». И бороться с «гнилью» должны сами писатели: «Нельзя, чтобы в Москве разводилась гниль... Драться надо... Вы сами это сделайте. С теми, кто делает антипартийные дела, сделайте то, что коммунисты должны сделать».⁹¹

Приглашений на писательские съезды Яшин больше не получал. В декабре 1962 г. присоединился к затаптывателям и секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев, обнаруживший в «Рычагах» не только «предательство» и «борьбу против коммунизма», но и «бред душевнобольного»...

Яшин ответил на эти нападки оруэловского «министерства правды» публикацией в 12-м номере «Нового мира» за 1962 г. повести «Вологодская свадьба», где вопрос о деморализации, как следствии коммунистического строительства, и других «нелепостях нашей жизни» был поставлен еще острее. Если Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» и в «Архипелаге» попытался продолжить тему «Записок из мертвого дома» Достоевского и ограничился в основном материалом сталинских лагерей, то Яшин своей «Вологодской свадьбой» напомнил о пушкинском «Пире во время чумы», который происходит почти одновременно с XX съездом. В «Свадьбе» рассказывается о том, как автор стал участником и свидетелем как бы параллельного «съезда», делегатами которого были его земляки – простые рабочие и колхозники – и на котором тоже как бы подводились итоги коммунистического строительства.

Хрущев уверял со съездовской трибуны, что жизнь в СССР улучшается, никто не эксплуатируется, всем гарантирован до-

стойный материальный и культурный уровень, женщины равноправны с мужчинами, люди становятся культурнее и образованнее, распространяются гуманные отношения, взаимное уважение в семье, нравственная чистота, человек человеку – друг, товарищ и брат... Участники яшинского «съезда» уже не верят этой маниловщине и представляют итоги коммунистического строительства далеко не в розовом свете. Их застольные речи говорят о жестокой эксплуатации и полунищенском быте рабочих и колхозников, о безнаказанном произволе, деморализации, озлобленности, пьянстве.

Невеста работает на льнозаводе подавальщицей тресты в машину и зарабатывает на этой тяжелой и опасной для здоровья работе 50 руб. (на нынешние деньги около 1500 руб.) в месяц. Её жених работает прессовщиком и зарабатывает еще меньше. Брат невесты – помощник колхозного бригадира заработал за год 25 руб. И не случайно рабочие леспромхоза задают директору льнозавода вопрос: «Почему везде человек человеку друг, а у нас в делянке один закон: совесть на совесть, кто кого обставит да обсчитает?». Выясняется, что и в семьях рабочих человек человеку не всегда друг. Тоня рассказывает подруге об отношениях с мужем: «Свою избу однажды поджигать стал... «Клади, говорит, голову на плаху!» – «Не положу, говорю, ребятишек жалко, что с ними с тремя будешь делать?» – «Полезай, говорит, в петлю сама, чтобы на меня подозрения не было!» – «Не полезу», говорю. «Тогда лезь в подполье и не показывайся мне на глаза весь день». (...) Запрет он меня в подполье и держит там, сидит надо мной. А ребятишки ревут, дрожат, боятся его. Надоест ему этот рев, он и откроет подполье... Безрукий, а хуже троерукого. Силища у него, у окаянного, как у дракона»⁹². Побывал её мучитель уже не раз и в тюрьме. Первый раз, когда еще был холостой, сидел за убийство в пьяной драке. Был амнистирован. Затем сидел за приписки в нарядах и воровство сена. Воровал лес... И всё

ради выпивки: «Кабы не водка, может, мы и по-людски бы жили. Тверезый он у меня тоже ничего, обходительный: человек как человек». И в повести муж Тони не исключение. Страдает «нравственным помешательством» и руководство льнозавода, грабящее колхозы через искусственное занижение качества (а значит и цены) покупаемого льна; и руководство колхоза, начисляющее помощнику бригадира годовую зарплату 25 руб. за ежедневный каторжный труд; и руководство леспромхоза, не обеспечивающее запчастями и обсчитывающее рабочих; и руководство школ, недоплачивающее учителям и использующее школьников как рабочих в часы, отведенные для производственного обучения; и колхозники, которые тащат из колхоза «всё, что плохо лежит».

Потому и свадьба по старинке не получается. Новые обычаи здесь тоже дают о себе знать. Местное пиво, изготовлением которого всегда славилась вологодская деревня, заметно потеснено брагой, водкой и самогоном. Причем хозяева стараются, как можно пьянее всех напоить. Жених тоже напивается и начинает изображать Чапая. Радуетя и директор льнозавода тому, что самогон горит, и тоже предпочитает его другим напиткам.

Сегодня в нашей исторической науке происходит настоящая революция, но начата она была поэтами и писателями. Нельзя не согласиться с теми, кто увидел в этой повести Яшина документ времени («действительно – так оно и есть, как оно и происходит», «его путь был путем к правде», «он был нашей совестью»). Но партийная цензура запретила печатать подборку подобных писем читателей, подготовленную В. Лакшиным, и разрешила опубликовать «письмо» лишь одного читателя, растиражированное под разными подписями и обвинявшее автора «Вологодской свадьбы» во лжи и клевете («изображает всё в черных красках», «ввел в заблуждение тысячи читателей», «чернит даже то, что принес в деревню колхозный строй»,

«дэгтемаз» и т. п.). Речь идет о статье А. Берсенёва «Нет, не прав Яшин», напечатанной 26.01.63 г. в газете «Красный Север» и скопированной 31.01.63 г. «Известиями» под названием «Открытое письмо главному редактору «Нового мира» А. Т. Твардовскому от студента Вологодского пединститута А. Берсенёва»; о статье «Вы смотрите через тёмные очки, тов. Яшин», опубликованной 28.01.63 г. в «Красном Севере» за подписями коммунистов районного масштаба и перепечатанной 31.01.63 г. «Комсомольской правдой» как письмо Яшину от его «земляков» под названием «Свадьба с дегтем». «Земляки» обвиняли писателя в неправде («мы не такие, как утверждается в произведении А. Яшина»), а «Новый мир» и Твардовского – в том, что они печатают неправду. Текст обоих «писем», конечно, писался в Москве. В феврале состоялось, организованное обкомом и не очень удавшееся (нашлись защитники), коллективное затаптывание писателя в Вологде.

Далее, это – выступление Хрущева на встрече с писателями в Кремле 7 марта 1963 г., отредактированный вариант которого был напечатан в «Известиях» 10.03.63 г.; статьи Н. Сергованцева («Октябрь», 1963, № 4) и А. Дымшица («Москва», 1963, № 5). Больше других, конечно, досталось от Хрущева на этой встрече А. Вознесенскому и Б. Пастернаку, но его яростный вопль («Это – клевета на партию! ... Сотрем всех на пути, кто стоит против Коммунистической партии, сотрем!») не в последнюю очередь касался и отсутствовавшего Яшина, которого начали «стирать» в 1954 г. на II съезде ССР. Это подтверждают, и отредактированный вариант выступления Хрущева, и названные статьи Сергованцева и Дымшица. В отредактированном варианте Хрущев порицал «дэгтемазов», которые-де, рисуя «свои картины мрачными красками, только и способны повергнуть людей в состояние уныния, тоски и безысходности», противопоставлял им стихи Д. Бедного типа «Что с по-

пом, что с кулаком вся беседа, – в брюхо толстое штыком мироеда», «Тихий Дон» («проникнут коммунистической партийностью»), «Разгром», «Чапаева», «Как закалялась сталь» и другие подобные произведения и, вопреки яшинскому пониманию миссии писателя («не фальшивить и не бояться правды», «помогать народу сопротивляться нелепостям в нашей жизни, открывать его глаза на них»), он еще раз напомнил, что надо «сплошную красной краской писать и небо и забор» и что писатели должны быть «опорой партии», «её верными солдатами» и «кузнецами по перековке психологии людей». В статьях Сергованцева и Дымшица в числе тех, «кто стоит против Коммунистической партии» и рисует «мрачными красками», был назван и Яшин...

И эта «критика на уничтожение», конечно, не могла не сказаться на здоровье затапываемого. Принято считать, что причиной смерти Александра Яшина была болезнь. Но болезни тоже бывают разные, бывают и маскирующие убийство. «Сгубил его наш строй-Квазимодо» (Н. Ляпин), «дикая брань, которую его наградили в газетах и на собраниях, и привела его к гибели» (В. Ардов) – думается, что эти слова, сказанные Ляпиным о В. Высоцком и Ардовым о М. Зощенко, с не меньшим правом могут быть отнесены и к Яшину.

Но настоящие таланты продолжают жить в своих творениях и последователях и после смерти. Еще при живом Яшине в 1957 г. появилось заграничное издание «Доктора Живаго» Бориса Пастернака. Не исключено, что рычагом этого события были и яшинские «Рычаги». И автор романа был тоже подвергнут «критике на уничтожение».

В 1964–1966 гг. в актовом зале истфака ЛГУ профессор И. С. Кон, начало преподавательской деятельности которого было связано с Вологодским пединститутом и который увлекался Яшиным, читал при большом стечении студенческого и

другого народа по воскресеньям факультативный курс «Личность в обществе». Присутствовавший Н. Ляпин под впечатлением лекций написал несколько стихотворений. В одном из них в частности говорилось:

Надо учиться, всегда учиться, творить, брать знания на абордаж.
К культуре надо, друзья, стремиться, как к гастроному с утра алкаш.
Иначе будет навалом хлама по родимой нашей странс.
И мы останемся сбродом хамов с портретом Ленина на стенс.
В другом:

Мне по душе призыв такого идеала,
Который против выступаст всего зла,
Чтоб война из жизни общества пропала,
Чтоб между «я» и «мы» гармония была.

В 1967 г. лекции Кона были опубликованы книгой «Социология личности». Достаточно обратить внимание на эпиграфы и примечания, чтобы убедиться, насколько эти его лекции отличались от обязательного курса по «историческому материализму». В примечаниях сделаны ссылки на 100 и более некоммунистических авторов. Эпиграфы тоже не свидетельствуют о пропаганде коммунизма. Автор обратил внимание на такие его особенности как культ безличности, антикультурная направленность, частнособственнические настроения, возбуждение зависти, стремление скрыть эти черты под гуманистической фразеологией и т. д. Оказалось, что так называемый «культ личности» осуществлял обогащение за счет ограбления и раздувал одну личность за счет утеснения, унижения и уничтожения многих, что в сущности этот культ был выражением деградации и гибели личности и что деградация осуществлялась через превращение человека в винтик государственной машины, через дегуманизацию трудовой деятельности, бюрократизацию общественной жизни, формирование потребительской ориентации и через манипуляции сознанием и поведением с помощью средств массовой информации. Чтобы один казался великаном, остальные должны стать лилипутами... Может быть и

не всегда прямо, но обо всём этом Кон рассказывал в лекциях. Личность рассматривалась в них как положительное, творческое начало, была остро поставлена проблема конформизма и личной ответственности, отстаивалась ценность свободы мысли и действия, излагались ролевая теория личности, учение о защитных механизмах и другие малоизвестные «западные» идеи, считавшиеся тогда запретными и «буржуазными». Показывая реальность такой, какая она есть, он косвенно свидетельствовал о лжи и несостоятельности господствовавшей идеологии. Партийные «стражи» чувствовали эту опасность и старались лишить его слова. Третий раз прочитать курс Кону они не дали, и через некоторое время он был уволен с факультета, работу на котором считал своим настоящим местом и призванием, и тоже за неисполнение приказа: «Коль талант, то стань бездарным! Верь на слово пропаганде! Делай всё лишь по команде!». Хотя был тогда самой яркой его «звездой». С тех пор прошло немало времени, но ученики АОН при ЦК КПСС не унимаются. И сегодня они пишут «заключения» о «направленности публикаций академика И. С. Кона», в которых продолжают обвинять его в преступной информационно-психологической войне против молодежи.

А в 1965 г. появилось и стихотворение Ляпина, в котором утверждалось, что «Октябрь надул всех, только врёт» и что недалёк тот год, когда «сметёт народ маразм Совдепии пропащей». Он тоже, говоря словами Яшина, полз на амбразуру, в зубах клинок держа, и тоже был встречен убийственным пулеметным огнем.

В 1966 г. в журнале «Север» публикуется как бы некоторое продолжение «Вологодской свадьбы», а именно повесть В. Белова «Привычное дело», эпиграфом к которой могло бы быть это ляпинское стихотворение. В ней было убедительно показано, что колхозная каторга мало отличалась от описанной Солженицыным в «Одном дне Ивана Денисовича» и что степень

эксплуатации крестьян при коммунизме превосходила все мыслимые в других обществах пределы. Правда, позже автор «Привычного дела», как и В. Солоухин, не смог избежать влияния бурениных, сталиновых, лобановых, кожиновых и написал роман «Всё впереди», с идеями которого Яшин едва ли бы согласился. Но в 2000 г. Белов опубликовал в «Нашем современнике» самокритическое и покаянное стихотворение, явно перекликающееся с яшинским «За всё отвечать настала пора»:

Себе вру, жене вру, друзьям вру, Отечеству...	Который враньём и живет и лс- чится?
Почему вру, никак не пойму – Миру всему и всему человечеству?	Враньём себя и других учу, Либо дальше жить, либо не врать...
Потому ли вру, что жаль всего – Мира целого, друзей, Отечества, Жену жаль и себя того,	Лучше врать буду, умирать не хочу. Люди дорогие, не хочу умирать! ... Всё равно умру, потому что вру.

И в интервью, опубликованных в октябре 2002 г. в «Комсомольской правде» и «Нашем современнике», он сказал, что испытывает чувство стыда из-за того, что в некоторых своих произведениях давал слово неупоминавшемуся цензурному соавтору, приспособлялся к нему, корежил рукописи и умалчивал существенное.

А в 1966–1967 гг. в Ленинградском университете произошел, продолжавшийся почти 3 месяца, так называемый «антипартийный студенческий бунт». Это название, возникшее в околупарткомовских кулуарах, было не очень точным. Бунт был скорее внутрипартийным и произошел на комсомольской конференции, когда делегации наиболее продвинутых тогда факультетов – философского и физического – предложили поставить университетскому комитету «неуд». Казалось бы, мелочь, но для партийного начальства это предложение, прозвучало тогда как гром среди ясного неба, ибо событие для него оказалось новым и немало его напугало. Хотя обоснование

предложения явного антикоммунизма не содержало, но вышеупомянутый стих Ляпина к тому времени стал, судя по всему, начальству известен, и оно связало его с выступлением оппозиции, хотя автора и не было в составе делегации. Во всяком случае после выступления представителя оппозиции конференция была прервана, и перерыв длился около 3-х месяцев. Всё это время шла обработка бунтарей с вызовами в разные инстанции, беседами, угрожающими намеками и т. п. Как сказал тогдашний ректор ЛГУ, не страшно, если увлекаются политикой физики, но политиканство будущих идеологов должно пресекаться. И когда конференция продолжилась, то с небольшим перевесом всё же победил «уд», а некоторым из бунтарей пришлось позже даже отправиться в Сибирь. А в августе 1967 г. появилось и постановление ЦК «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», которое приказывало срочно повысить уровень преподавания этих наук и идейно-воспитательной работы среди студентов, обеспечить у них формирование марксистско-ленинского мировоззрения. Но в следующем году произошла «пражская весна», повторившая «антипартийный студенческий бунт» более масштабно...

Думается, что во всех этих событиях Яшин сыграл не последнюю роль, по-своему подтвердив предсказание Герцена о том, что «социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей» и что «тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией...»⁹³.

2013 г.